

Вася Никудыкин ударил себя по впалой груди кулаком и сказал:

— К чёрту стыд, который мешает нам установить истинное равенство полов!.. Долой штаны и долой юбки!.. К чёрту тряпки, прикрывающие самое прекрасное, самое изящное, что есть на свете, — человеческое тело!.. Мы все выйдем на улицы и площади без этих постыдных одежд!.. Мы будем останавливать прохожих и говорить им: «Прохожие, вы должны последовать нашему примеру! Вы должны оголиться!» Итак, долой стыд!.. Уррррра!..

— И все это ты врёшь, Никудыкин. Никуда ты не пойдёшь. И штанов ты, Никудыкин, не снимешь, — сказал один из восторженных почитателей.

— Кто? Я не сниму штанов? — спросил Никудыкин упавшим голосом.

— Именно ты. Не снимешь штанов.

— И не выйду голым?

— И не выйдешь голым.

Никудыкин побледнел, но отступление было отрезано.

— И пойду, — пробормотал он уныло, — и пойду...

Прикрывая рукой большой синий чирый на боку, Никудыкин тяжело вздохнул и вышел на улицу.

Накрапывал колючий дождик.

Корчась от холода и переминаясь кривыми волосатыми ногами, Никудыкин стал пробираться к центру. Прохожие подозрительно косились на сторбленную лиловую фигуру Никудыкина и торопились по своим делам.

«Ничего, — думал отважный Никудыкин, лязгая зубами, — н... н... иче-го... погодите, голубчики, вот влезу в трамвай и сделаю демонстрацию! Посмотрим, что вы тогда запоёте, жалкие людишки в штанах!..»

Никудыкин влез в трамвай.

— Возьмите билет, гражданин, — сказал строгий кондуктор.

Никудыкин машинально полез рукой туда, где у людей бывают карманы, наткнулся на чирый и подумал: «Сделаю демонстрацию».

— Долой, это самое... — пролепетал он, — штаны и юбки!

— Гражданин, не задерживайте вагон! Сойдите!

— Долой тряпки, прикрывающие самое прекрасное, что есть на свете, — человеческое тело! — отважно сказал Никудыкин.

— Это чёрт знает что! — возмутились пассажиры. — Возьмите билет или уберите отсюда!

«Слепые люди, — подумал Никудыкин, отступая к задней площадке, — они даже не замечают, что я голый».

— Я голый и этим горжусь, — сказал он, криво улыбаясь.

— Нет, это какое-то невиданное нахальство! — зашумели пассажиры. — Этот фрукт уже пять минут задерживает вагон! Кондуктор, примите меры!

И кондуктор принял меры. Очутившись на мостовой, Никудыкин потёр ушибленное колено и поплёлся на Театральную площадь.

«Теперь нужно сделать большую демонстрацию, — подумал он. — Стану посредине площади и скажу речь. Или лучше остановлю прохожего и скажу ему: прохожий, вы должны оголиться».

Кожа Никудыкина, успевшая во время путешествия переменить все цвета радуги, была похожа на зелёный шагреневый портфель. Челюсти от холода отбивали чечётку. Руки и ноги скрючились.

Никудыкин схватил пожилого гражданина за полу пальто.

— П... п... прохожий... ввввв... долой... ввввв... штаны... ввввв...

Прохожий деловито сунул в никудыкинскую ладонь новенький блестящий гривенник и строго сказал:

— Работать надо, молодой человек, а не груши околачивать! Тогда и штаны будут. Так-то.

— Да ведь я же принципиально голый, — пролепетал Никудыкин, рыдая. — Голый ведь я... Оголитесь, гражданин, и вы... Не скрывайте свою красу...

— А ты, братец, работай и не будешь голый! — нравоучительно сказал прохожий.

Никудыкин посмотрел на гривенник и заплакал. Ночевал он в милиции.